

Л.П. Веремчук

Американское общество первой половины XIX в. в трактовке Алексиса де Токвиля

L.P. Veremchuk

The American Society of the First Part of the XIX Century Interpreted by Alexis de Tocqueville

Статья содержит анализ исторических идей крупнейшего французского историка, социолога, политолога первой половины XIX в. Алексиса де Токвиля, в центре которого – разработанная им концепция американского общества его эпохи.

Ключевые слова: демократия, равенство, средний класс.

The article aimed to the analysis of the historical ideas given by the outstanding French historian, sociologist, political scientist of the first part of the XIX century Alexis de Tocqueville. The main idea is his concept of American society.

Key words: democracy, equality, middle class.

Жизнь и творчество известного французского историка, социолога, политолога первой половины XIX в. Алексиса де Токвиля пришлись на длительную эпоху становления и утверждения в обществах Запада буржуазной социально-политической системы, которую наука того времени обозначала понятием «демократия». Стремление обеспечить стабильное, поступательное развитие новому типу общественных отношений, разработать механизмы управления их движением, побудило Токвиля глубоко это общество изучать.

Свой анализ исследователь осуществил на материале истории общественного развития США первой половины XIX столетия, изложив результаты в знаменитом произведении «Демократия в Америке». Написание его первой книги было завершено в 1835 г., второй – в 1840 г.

Концепция американской демократии как социального явления составляет значимый элемент исторических идей Токвиля, однако в то же время находит неоднозначные оценки, порождает дискуссии и, соответственно, требует дальнейшего изучения, попытка которого предпринята в настоящей статье. Сделаем оговорку относительно того, что в публикуемом материале не ставится задача показать содержание категории «демократия» как базового элемента политической философии Токвиля. Современной наукой эта задача в целом успешно решена [1–9].

Анализ американской демократии Токвиль строил в соответствии со своим видением ее как сложной общественно-политической системы. Большая часть первой книги о североамериканских штатах содержит исследование демократии как явления политического, вся вторая книга посвящена демократии как явлению социальному.

Демократическое общество представлялось Токвилю таким типом социальной организации, которая основывалась на имманентно присущем ей свойстве, терминологически обозначаемом им как «равенство условий существования людей» [10, с. 27]. Движение к демократии он считал процессом трансцендентным, направленным из далекого прошлого в будущее.

Вместе с тем понятие «демократия» имело в дискурсе Токвиля конкретный исторический смысл. Им ученый обозначал буржуазное общество, пришедшее на смену обществу феодально-аристократическому. Сущностные характеристики этого явления он строил в этом случае на основе антитезы «аристократия – демократия». «Аристократия» в таком контексте означала общество феодальное. «Демократия» на современном ученому этапе эволюции этого явления означала общество буржуазное.

Феодальный социум он определял такими родовыми чертами, как сословные привилегии элиты, ее гражданское полноправие, богатство и просвещенность, которым противостояло сословное неполноправие, правовая незащищенность, нищета и невежество массы. Общество полярное, общество крайностей, правового, гражданского, сословного неравенства, представленное людьми «очень большими и очень маленькими, очень богатыми и очень бедными, очень учеными и очень невежественными» [10, с. 504].

В противоположность ему демократический социум, основанный на «равенстве условий существования людей», представлялся французскому историку сообществом усредненным и уравновешенным, лишенным сословных разграничений, основанным на свободе предпринимательской деятельности, гуманности законов, мягкости нравов, относительном единообразии ментальных установок и образа жизни,

ориентированным на благо большинства [10, с. 27, 31, 61, 492].

Токвиль считал гражданское равенство одной из самых значительных ценностей демократического общества, неким императивом поведения его граждан, порожденным самой их естественной природой, одинаковостью потребностей, целей и интересов. Равенство рассматривалось ими как элемент естественного права каждого человека на самореализацию личности, жизнь, свободу, собственность [10, с. 61, 377].

В основе приверженности людей идеалам равенства ученый находил и политические предпосылки. В этой связи он указывал на то, что в стремлениях низших классов общества всегда заложена установка на то, чтобы отстранить «представителей высших классов от руководства государственными делами» [10, с. 161]. Это стремление ученый называл «инстинктом демократии», ее «природным чувством» [10, с. 162], уточнял, что стремление к равенству существовало всегда, однако лишь в эпоху Нового времени оно сделало решительный прорыв в разрушении сословно-феодального строя и создании бессловных политико-правовых институтов буржуазного общества [10, с. 373]. Равенство составило отличительный признак новой эпохи; его приоритет стал определяющей установкой массового сознания, стереотипом поведения людей демократического общества [10, с. 372].

Процесс утверждения «равенства условий существования людей» Токвиль считал необратимым, «предначертанной свыше неизбежностью», которая носит «всемирный долговременный характер» [10, с. 29]. Он указывал на то, что в ходе его становления и эволюции демократический процесс может менять свое социальное содержание, что его неуклонное развитие в перспективе способно перерасти рамки буржуазных общественных отношений и составить реальную угрозу «буржуазии и богачам» [10, с. 29].

Концепция равенства, сформулированная Токвилем в середине 30-х гг. XIX в. и выраженная им в первой книге «Демократии в Америке», неоднократно подвергалась критике со стороны его исследователей. Дж. Ст. Милль, высоко оценивавший творчество Токвиля, в то же время полагал, что он ошибочно смешал «действие демократии с действием цивилизации», соединил «в одной абстрактной идее все тенденции нового коммерческого общества и дал им одно имя – имя демократии» [11, с. 198].

Автор исследования об американском либерализме А. В. Валюженич относил Токвиля к числу исследователей, «неспособных или не пожелавших заглянуть за фасад выглядевших демократическими социальными и политическими институтами Соединенных Штатов», который «прошел мимо фактов разительного экономического и политического неравенства, углублявшегося по мере развития капитализма» [12, с. 78–79].

Негативные оценки такого рода вызывают необходимость уточнить – какой социальный смысл вкладывал ученый в понятие «равенство условий существования людей». Поиск ответа на этот вопрос обращает нас к анализу модели стратификации буржуазного общества, построенной автором «Демократии в Америке».

Суть этой модели состоит в следующем. Неизменным свойством любой социальной системы Токвиль считал наличие в ее структуре трех основных градаций: класс богатых, состоящий из самых состоятельных граждан общества; средний класс, включающий в себя всех, кто, «хотя и не является богатым, живет в полном довольстве»; класс бедных – «кто владеет небольшой собственностью или вовсе ее не имеет, и живет в основном работой, которую ему предоставляют два первых класса» [10, с. 169].

В зависимости от типа социальной системы количественная характеристика этих трех страт меняется [10, с. 169]. В обществах аристократических большинство составляют бедные, их нищета «наследственна» и «неизбывна»; класс богатых немногочислен, его доходы связаны с земельными владениями, его социальный статус передается по наследству; немногочислен и средний класс [10, с. 459].

Стратификация демократического общества представлялась ученому существенно иной. Ее специфику он связывал опять-таки с демократическим равенством. В этом аспекте он характеризовал «равенство условий существования людей» как некий нивелирующий процесс, в ходе которого «почти все крайности смягчаются и приглушаются, все выдающееся стирается, уступая место чему-то усредненному, что одновременно не так возвышается, но и не столь низко опускается, не столь блестяще, но и не так ничтожно, как это было ранее» [10, с. 504].

Это свойство равенства, по глубокому убеждению Токвиля, соответствующим образом трансформировало и отношения собственности, усредняя размеры богатств, находящихся в руках отдельных лиц [10, с. 504]. Характеризуя американский демократический социум своего времени, он настойчиво акцентировал эту его черту: бедные в нем «весьма малочисленны», «в Америке нет пролетариев» [10, с. 188]; «богатые люди также немногочисленны»; имущественный статус не закреплен сословным делением и поэтому весьма подвижен [10, с. 459]. В США преимущественное большинство граждан – собственники [10, с. 170].

В их социальной структуре между двумя полярными состояниями бедности и богатства Токвиль находил «бесчисленное множество почти равных между собой людей, которых нельзя назвать ни богатыми, ни бедными в полном смысле этих слов и имущество которых, достаточное для того, чтобы сами они хотели порядка, недостаточно велико для того, чтобы вызывать к себе зависть» [10, с. 460].

Это свойство демократического общества мыслитель считал его системообразующим признаком, родовой чертой, той типологической особенностью, которая отличала его от всех предшествовавших форм социальности. Сложившийся демократический строй в его представлении являет собой по преимуществу сообщество собственников, такую социальную систему, в которой собственники численно преобладают над не собственниками.

Таким образом, категория «равенство условий существования людей» в теории Токвиля вовсе не означает политической, имущественной, интеллектуальной однородности демократического социума. Она выражает равенство прав, равенство возможностей, равенство гражданское, обеспечение необходимых условий для благосостояния не всех, но большинства, преобладание собственников среднего имущественного достатка, «средних классов». На такой смысл социологической теории Токвиля указывают большинство исследователей его творчества [13–16].

В этой особенности демократического социума Токвиль усматривал его огромные достоинства. Главным из них он считал то, что устроенное таким образом общество соответствует идеалам справедливости. Известно, что многие его стороны ученый подвергал острой и справедливой критике, неоднократно выражал сожаление о том, что величие и блеск обществ аристократических невозвратимы, тем не менее, безоговорочно утверждал: «Естественно полагать, что отраднее всего создателю и хранителю людей видеть не процветание отдельных граждан, но возросшее благосостояние всех... Возможно, что равенство еще не достаточно развито, но оно более справедливо, и эта справедливость придает ему величие и красоту» [10, с. 504]. Демократическое общество представлялось мыслителю тем разумным миропорядком, который заключал в себе возможность в известной степени гармонизировать интересы всех социальных слоев, сохранив при этом отношения частной собственности, гражданского равенства и политической свободы.

Огромным достоинством демократической организации общественных отношений Токвиль считал то, что она формирует в каждом из членов социума уважение к собственности, развитое чувство собственности, здоровый консерватизм, осторожность, воздержанность социального поведения, способность к социальному компромиссу, создает на этой основе соответствующую политическую культуру.

Эта установка, как он полагал, способна составить основу стабильности, жизнеспособности и динамики буржуазного общества. «Упорное и цепкое» чувство собственности, присущее среднему классу как никакому другому элементу социальной системы, формирует в обществе установки на «сохранение порядка», соответствующие позитивные нравственные ценности – порядочность, трудолюбие, восприятие

религиозной морали; «уважение к честным профессиям», активные жизненные и гражданские позиции [10, с. 189, 460, 392, 403, 431, 444]. Такую направленность социальных интересов, политическую культуру и ментальные установки Токвиль считал важнейшими предпосылками к тому, чтобы глубокие революционные потрясения в демократических обществах стали редкими [10, с. 459].

Как следует из наименования книги, и как сам Токвиль неоднократно уточнял, целью исследования являлось не воссоздание собственно истории Соединенных Штатов, а изучение их демократических учреждений. Воссоздание «образа самой демократии» ее модели; извлечение «полезных уроков» из опыта функционирования этой сложной социально-политической системы; опыта, который мог бы пригодиться Франции [10, с. 34].

Объект исследования – американские социальные и политические институты – представлялся ученому завершенным или почти завершенным в своем развитии [10, с. 34]. Он полагал, что равенство в североамериканских штатах достигло своих «крайних пределов» [10, с. 27, 61].

У исследователей правомерно возникал вопрос, насколько полно созданный Токвилем образ американского социума его времени совпадает с реальностью, которую он наблюдал. В поисках ответа многие из них приходили к выводу, что не совпадает или совпадает лишь отдаленно.

Токвиля многократно упрекали в том, что он искажил картину американской действительности 30-х гг. XIX в. В частности, Э. Пессен решительно опровергает его мнение, будто богатства в джексоновской Америке не были столь же крупными, как в Европе; считает необоснованным его суждение, согласно которому большинство богатых в Соединенных Штатах были когда-то бедными [17].

В созвучии с ним советский исследователь А.В. Валуженич пишет о Токвиле как о «молодом французском аристократе, который оказался способен заглянуть за фасад социальных институтов Соединенных Штатов и прошел мимо таких фактов буржуазной экономической жизни, как регулярные промышленные кризисы, бедственное положение трудящихся, социальная несправедливость» [12, с. 78].

Оценки такого рода закрепили за Токвилем славу создателя «эгалитарного мифа» о джексоновской демократии. Констатируя этот факт, Н.Н. Болховитинов, в частности, утверждал: «Как известно, больше всего французского графа поразило в Америке “равенство общественных состояний”, и именно он стал одним из главных создателей “эгалитарного мифа”, который широко распространен в американской историографии вплоть до настоящего времени» [18, с. 261].

Расплывчатость количественных характеристик, неопределенность понятийного аппарата увеличивали

число критических оценок в адрес созданной Токвилем концепции американской демократии как формы организации социума. Справедливое замечание по этому поводу сделал Дж. Ст. Милль, который писал, что одним из недостатков книги об американской демократии является то, что «многие положения ее, даже полученные путем наблюдений, имеют вид простых абстрактных умозрений» [11, с. 220].

Вместе с тем подход Милля к анализу концепции Токвиля с позиции признания того, что, несмотря на известные неточности, она создана на основе тщательного научного наблюдения, и в целом адекватно объясняет главное содержание исследуемого явления – представляется наиболее точным ключом к осмыслению идей французского ученого.

Утверждение Токвиля о том, что в Америке нет пролетариев, выраженное им в первой книге исследования в связи с анализом равенства общественных состояний в американском обществе, безусловно, было большой неточностью. Переход от мануфактурной стадии капитализма к машинному производству начался в Америке в конце XVIII – начале XIX в. В первые два десятилетия XIX в. этот процесс сделал заметные успехи в таких отраслях производства, как хлопчатобумажная и судостроительная. Соответственно, 20–30-е гг. стали временем формирования в этих отраслях кадров промышленного пролетариата, особенно на северо-востоке страны, что теперь бесспорно доказано [18–21].

Во время пребывания в Америке эти тенденции ее социально-экономического развития французским ученым не были выявлены с достаточной точностью. Вместе с тем представляется возможным утверждать, что общая картина социально-экономического развития США первой трети XIX в., воспроизведенная Токвилем в его знаменитом исследовании, в основе не была ошибочной.

В этом отношении необходимо указать на то, что его главное внимание тогда оказалось обращено на те тенденции этого развития, которые уходили корнями в начало американской истории и длились на протяжении многих десятилетий – на утверждение и масштабное распространение капиталистического фермерского хозяйства, получившего в североамериканских штатах, как известно, свое полное и классическое воплощение.

К анализу поземельных отношений, форм наследования земли и ее аренды, поземельного законодательства в книге об американской демократии Токвилль обращался неоднократно. Он хорошо знал и толковал глубинные процессы, происходившие в области поземельных арендных отношений и земельной собственности. Более того, характеристике фермерской аренды земли на основе параллели с анализом феодальных форм аренды посвящена самостоятельная глава книги с названием: «Каким образом демократические ин-

ституты и нравы повышают цену и сокращают сроки земельной ренты» [10, с. 422].

В этой части исследования ученый пришел к выводу, что «законам демократического развития свойственна сильная тенденция к увеличению числа землевладельцев и уменьшению количества арендаторов» [10, с. 422]. Французский историк справедливо обращал внимание на то обстоятельство, что упразднение сословного неполноправия и сословных ограничений в сфере земельной собственности не только составило основу быстрого развития капиталистических форм аграрного хозяйства, но и явилось собой важнейшую предпосылку и широкое основание процесса распространения демократического равенства в американском обществе в целом. «При смешивании сословий, – писал он, выражая эту мысль, – очень большие состояния, равно как и крайняя нищета, встречаются все реже и реже, и с каждым днем социальное различие между землевладельцем и арендаторами уменьшается» [10, с. 422].

Подобным же образом свой вывод относительно того, что основой общественной организации англо-американцев является «сугубо демократическое начало», выраженный в другой части исследования, Токвилль сделал на основе анализа поземельных отношений колониального и постколониального периода их истории [10, с. 56–57].

В целом модель демократического социума во многом была построена на основе осмысления им тех социальных процессов, которые шли тогда в аграрной сфере хозяйственного развития североамериканских штатов. В значительной степени она была связана с идеей широкого распространения в этом обществе мелкой земельной собственности и капиталистической фермерской аренды земли как основы формирования состояний среднего достатка.

Эту воспроизведенную Токвилем картину развития США начала 30-х гг. XIX в., подтвердили последующие исследования, авторы которых пришли к выводу, что несмотря на значительные технические успехи страны в начальный этап промышленного переворота, эта сфера ее экономической жизни была развита слабо, крайне неравномерно как по территориальным, так и по отраслевым характеристикам. Во многом сохранились мануфактурные и мелкотоварные ремесленные формы. В то время североамериканские штаты в целом оставались ещё страной аграрной.

Суммируя результаты исследований по этой проблеме, Н.Н. Болховитинов пишет, в частности: «Таким образом, несмотря на значительные успехи в промышленном развитии к началу 40-х гг. XIX в., Соединенные Штаты, как нам представляется, все еще находились накануне решающих перемен»; подавляющее большинство самостоятельного населения страны занималось сельским хозяйством [18, с. 136]. Г.П. Куропятник приводит данные, согласно которым

в североамериканских штатах в начале 30-х гг. XIX в. производство товаров на дому превышало промышленную продукцию в отношении 4:3 [18, с. 16].

В свете этих фактов представляются отнюдь не предвзятыми, хотя, безусловно, недостаточно точными, выраженные в начале 30-х гг. суждения Токвиля о том, что в Америке нет пролетариев и широко распространены состояния средних размеров.

В этой связи будет справедливым обратить внимание на замечание С.А. Исаева относительно того, что критические суждения в адрес концепции Токвиля, при всей их обоснованности, часто оказываются связанными с тем или иным искажением его действительных суждений [22, с. 9–10].

Эти искажения вкрадываются, в том числе и в силу того обстоятельства, что исследователи его творчества не всегда учитывают эволюцию оценок промышленного развития США, произошедшую во взглядах ученого от начала 30-х к началу 40-х гг.

Эта эволюция наглядно обнаруживает себя в сравнительном сопоставлении содержания соответствующих разделов первой (начало 30-х гг.) и второй (начало 40-х гг.) книг исследования об американской демократии.

Если первая книга содержит утверждение «в Америке нет пролетариев», то в нескольких главах второй книги заключен анализ основных сторон и закономерностей промышленного развития современных Токвилю обществ, социальных последствий промышленного переворота в североамериканских штатах, проблемы соотношения интересов и социального положения промышленников и наемных рабочих [10, с. 404–408, 423–424, 492–494].

О незавидной участи фабричного пролетариата ученый писал, в частности: «...они должны работать ежедневно, чтобы не умереть, так как они едва ли обладают какой-нибудь иной собственностью, кроме своих рук. Угнетение в течение долгого времени разоряло их и, чем беднее они становятся, тем легче их притеснять. Таков порочный круг, из которого они никоим образом не сумеют вырваться» [10, с. 424].

Промышленный прогресс оборачивался для фабричных рабочих неисчислимыми социальными бедствиями. Их нищенское существование Токвиль считал чрезвычайно тяжелым, чреватым социальными взрывами, усматривал в нем опасную предпосылку усиления социальной нестабильности [10, с. 424].

Ущемленное положение пролетарской массы ученый вполне обоснованно связывал не только с особенностями их профессионального и социального статуса, но и с логикой развития самого фабричного производства, с присущим ему принципом разделения труда: «Что можно ожидать от человека, – писал он, выражая эту мысль, – который двадцать лет своей жизни был занят изготовлением булавочных головок? И на что в дальнейшем он может направить свои ум-

ственные способности – принадлежащую ему долю могущественного человеческого разума, столь часто потрясавшего весь мир, – кроме как на изобретение более совершенного способа изготовления булавочных головок!... По мере того, как принцип разделения труда находит все более широкое применение, работник становится все более беспомощным, более ограниченным и зависимым» [10, с. 407].

Во второй части исследования об американской демократии Токвиль не только не «прошел мимо» такого факта капиталистической экономики, как периодические промышленные кризисы, но увидел в них одну из ее закономерностей: «Я убежден, – писал он по этому поводу, – что периодическое повторение промышленных кризисов – хроническое заболевание, свойственное демократическим нациям наших дней. Его можно несколько обезопасить, но нельзя полностью излечить, так как причина его не случайна» [10, с. 406]. Он показал ограниченность возможностей социальной мобильности в демократических обществах [10, с. 407, 408, 424].

Там же исследователь выявил такую закономерность развития нового общества, как возрастание в нем роли государственной власти, увидел причины этого явления в усложнении экономической жизни социума, росте крупного промышленного производства, необходимости его координации и регулирования в масштабах государства [10, с. 493].

Мыслитель констатировал тот бесспорный факт, что вмешательство государства в экономическую жизнь общества приводит к прямому его участию в создании крупных промышленных предприятий и непосредственному государственному управлению ими. Он писал, выражая эту мысль: «По мере того, как государство становится более могущественным и расходы его возрастают, оно само начинает потреблять во все больших размерах промышленную продукцию, производимую на его заводах и мануфактурах. Таким образом, в каждом королевстве монарх становится самым крупным промышленником» [10, с. 493].

Приводя в этой связи пример горнорудного производства, Токвиль обращал внимание на то, что шахты, которые прежде являлись объектами частной собственности, теперь все чаще переходят в руки государства. «Сегодня государство их эксплуатирует или сдает в концессию, их владельцы превратились в лиц, имеющих право пользоваться шахтами как чужой собственностью, причем право это регулируется государством. Кроме того, государство почти повсюду настаивает на праве руководить ими, регламентирует их деятельность, заставляя их работать так, как оно считает нужным, подвергает их постоянному контролю» [10, с. 493].

Подобные же тенденции Токвиль обнаружил в организации образования, благотворительности, других сторон жизни общества. Он отмечал, что власть го-

сударства начинает распространяться на те области, которые ранее всегда были сферой индивидуальных свобод. Множество видов деятельности, никогда до этого не контролировавшихся государством, «сегодня подпадают под его контроль, при этом число их постоянно возрастает» [10, с. 490]. Даже отношения между работниками и предпринимателями, подчеркивал ученый, требуют теперь регулирования со стороны государства [10, с. 492].

В начале 40-х гг. Токвиль констатировал численное увеличение слоев населения, занятых в промышленности, интенсивное формирование на их основе новых общественных классов, в том числе класса промышленной буржуазии. Показывая динамику этого процесса, он отмечал, что в феодальном обществе слои населения, связанные с промышленностью, были немногочисленны, не составляли самостоятельного элемента в социальной структуре общества; предпринимательская деятельность и собственность юридически не были защищены так же надежно, как собственность земельная, с того времени «в мире произошла великая революция; частная собственность на средства производства, пребывавшая некогда в зачаточном состоянии, развилась, и завоевала всю Европу»; класс людей, занятых в организации промышленного производства, значительно возрос не только численно, но и по своей общественной значимости и богатству [10, с. 492–493].

Таким образом, как показывает содержание второй книги «Демократии в Америке», в начале 40-х гг. Токвиль выявил и отчетливо обрисовал все основные тенденции и закономерности развития буржуазного социума, связанные с завершающей стадией промышленного переворота. Его представления об экономическом развитии демократического общества эволюционировали соответственно эволюции самого общества.

Увидеть и понять эту эволюцию Токвилю помогла скорее Европа, нежели собственно Америка. Подчеркивая, что исследованные им социально-экономические процессы носят универсальный, общезападный характер, ученый вместе с тем опирался в их осмыслении больше на европейский материал [10, с. 492]. Показательно, что за время написания книги об американской демократии он дважды посетил Англию, где промышленная революция достигла завершения, и уже отчетливо обнаружила все связанные с ней последствия.

Пристальное внимание к ее содержанию и итогам выявляют его английские путевые заметки. В них Токвиль не только прямо констатировал факт существования промышленного пролетариата в современной ему Англии и обрисовал тяжесть его экономического положения, но осмыслил его социальную роль как класса – антагониста буржуазии [23, с. 367].

Содержательный материал для изучения социально-экономических процессов, протекавших в европей-

ском буржуазном обществе середины 30–40-х гг., дала историку собственно Франция. Достаточно вспомнить описание промышленных районов Парижа и их рабочего населения, оставленное им в «Воспоминаниях».

Нельзя не учитывать того обстоятельства, что Токвиль был современником двух восстаний лионских ткачей, силезских ткачей, чартистского движения, о которых знала Франция и вся Европа, опыт которых мог быть использован им в осмыслении новых тенденций в происходивших тогда социальных трансформациях.

Из приведенного выше анализа следует, что эволюция американского общества за промежуток десятилетия 30-х гг. в сторону углубления социальной дифференциации была Токвилем увидена и понята. Однако это видение практически не изменило его общей концепции демократического социума как особого типа социальности, способного обеспечить «равенство условий существования людей».

Как видно из содержания второй книги исследования об американской демократии, историк сохранил убежденность в том, что социальная дифференциация американского социума, связанная с ростом промышленного производства, заключена в рамках лишь этой экономической сферы, что она получит распространение только в промышленности, причем лишь в отдельных ее отраслях, будет являть собой лишь «уродливое исключение» в системе в целом гармонически уравновешенного общественного устройства, основанного на принципе «равенства условий существования людей» [10, с. 408]. По его глубокому убеждению, широкой основой этого общества всегда будет оставаться стабильный имущий средний класс. Это убеждение поколеблет лишь ключевое событие Февральской революции во Франции – июнь 1848 г.

В трактовке ученым американского общества 30-х гг. XIX в. ошибочным являлся не реконструированный им его общий образ, а глубокое убеждение в том, что равенство общественных состояний являет собой имманентную этому обществу черту, присущую ему генетически. Если он и ошибался, то именно в этом.

«Не будет преувеличением сказать, – пишет Г. Дж. Ласки по поводу этой ошибки, – что уже в то время, когда Токвиль писал свою книгу, описываемая им Америка быстро уходила в прошлое» [24, с. 19]. То же мнение выразил М. Жирар [25, с. 57]. Г. Моска и Г. Буфул отмечают, что та дистанция между богатством и бедностью, которая в начале 30-х гг. XIX в. оказалась в поле исследовательского внимания Токвиля и тогда действительно была меньшей, чем в Европе, всего несколько десятилетий спустя превзошла глубину европейской дифференциации [26, с. 200].

Тенденция к появлению нового типа социально-правового неравенства и новой, промышленной, аристократии, которую в свое время выявил Токвиль,

уже во второй половине XIX столетия составила основополагающую черту буржуазной общественной системы эпохи индустриального общества, а не ее второстепенный элемент, как это ему представлялось.

В оценку этой стороны историко-социологических воззрений Токвиля необходимо включить признание того, что, ошибаясь в частном, он не ошибся в своем общем прогнозе будущности демократического общества. Модель этого общества как нового типа социальности, сконструированная его проницательным умом, явилась своеобразной теоретической посылкой, на основе которой в новых исторических условиях оказалось возможным создать систему социального регулирования, содержащую реальные возможности относительной гармонизации современного социума. В значительной части она воплотилась в социальном строе наиболее развитых государств Запада в конце XX – начале XXI в.

После Токвиля возможность создания общества «среднего класса» как основы правового государства осмысливалась Э. Дюркгеймом, М. Вебером. По настоящему широкое распространение и признание эта идея получила в 50–60-е гг. XX в., найдя воплощение в различных модификациях теории «государства бла-

госостояния». В частности, свой вариант такой модели Р. Арон возводил непосредственно к социологическим идеям Токвиля [1; 13; 27].

По поводу сомнений и несовпадений, встречающихся в концепции ученого, К. Лефор справедливо замечает, что не нужно стремиться поймать Токвиля в ловушку его противоречий – результат будет незначительным; более того, «как каждый большой мыслитель, Токвиль учит самими своими противоречиями» [14, с. 266].

В целом представляется возможным утверждать, что концепция американского общества, разработанная Алексисом де Токвилем, при всех ее недостатках, содержит сильное эвристическое начало. Она помогает глубже понять те процессы, которые лежали в основе социально-экономического развития североамериканских штатов первой половины XIX в., увидеть всю сложность и неоднозначность этого процесса. Созданная им модель демократического социума в определенном смысле помогла спрогнозировать современное демократическое общество, явила собой вклад ученого в разработку социальных идей неоллиберализма. Предложенная им концепция социальной стратификации легла в основу современных социологических теорий.

Библиографический список

1. Aron R. Essai sur les libertés. – P., 1965.
2. Mireaux E. Tocqueville et la démocratie // *Revue des deux mondes*. – 1960. – №1.
3. Remond R. Tocqueville et la démocratie en Amérique // *Livre du centenaire*. – P., 1960.
4. Feldhoff J. Die Politik der egalitären Gesellschaft für soziologischen Demokratie: Analyse bei Alexis de Tocqueville. – Köln, 1968.
5. Zeiterbaum M. Tocqueville and the Pproblem of Democracy. – Stanford. 1967.
6. Schleifer J. Tocqueville as Historian: Philosophy and Metodology in the Democracy // *Reconsidering .Tocqueville's. «Democracy in America»*. – New Brunswick and London, 1988.
7. Исаев С.А. Что Токвиль называл демократией? // *Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историография*. – Чебоксары, 1989.
8. Лапицкий М.И. К свободной демократии или к демократической тирании? – М., 2003.
9. Шаблинский И.Г. Концепция демократии в политической философии А. де Токвиля : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1989.
10. Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М., 2000.
11. Милль Дж. Ст. Рассуждения и исследования политические, философские, экономические. – СПб., 1865. – Ч. 2.
12. Валюженич А.В. Американский либерализм: иллюзии и реальность. – М., 1976.
13. Aron R. Les étapes de la pensée sociologique. – P., 1967.
14. Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). – М., 2000.
15. Furet F. L'atelier de l'histoireè. – P., 1982.
16. Кустова Л.П. Концепция буржуазного общества в системе исторических взглядов Алексиса Токвиля // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. – Вып. 17. – Томск, 1983.
17. Pessen E. Riches Class and Power before the Civil War. – Lexington, 1973.
18. Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. – М., 1980.
19. Ефимов А.В. Соединенные Штаты Америки. Пути развития капитализма. Доимпериалистическая эпоха. – М., 1969.
20. Сивачев Н.В. США: государство и рабочий класс (от образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны). – М., 1982.
21. Куропятник Г.П. Вторая американская революция. – М., 1961.
22. Исаев С.А. Трактат А. де Токвиля «О демократии в Америке» как источник по истории политической мысли XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990.
23. Tocqueville A. de. Oeuvres complètes. – P., 1877. – T. VIII.
24. Ласки Г.Дж. Предисловие // Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М., 2000.
25. Girard M. Le libéralisme en France de 1814 à 1848: doctrine et mouvement. – P., 1967. – T. 2.
26. Mosca G., Bouthoul G. Histoire des doctrines politiques depuis l'antiquité. – P., 1966.
27. Aron R. Dix-huit leçons sur la société industrielle. – P., 1962.